

Это внутри

Наталья Владимировна Михлин

— Уезжай.

— Мы обсуждали это тысячу раз.

Дина сдула с лица насквозь промокшую темную прядь, и, ухватившись за крошечный выступ скалы, подтянулась выше.

— Что тебя держит, скажи? — Элис вздохнула и, отпустив кнопку рации, поправила карабин.

Запах смолы и трав долетал к подножию скальной стены, наполняя воздух терпкой сухостью.

— Прямо сейчас меня держишь ты, — сердито бросила Дина, — так что будь добра, помолчи и выбери веревку.

Солнце показалось из-за гряды, заливая серые скалы тягучим янтарем. Камень медленно нагревался, из тонких темных трещин рассыпались ящерицы.

Запрокинув голову, Элис следила за маленькой ловкой фигуркой подруги. Рация зашипела.

— Я вниз, Эл. Скоро здесь станет жарко, как на сковородке.

Скалолазка спускалась, отталкиваясь от скалы ногами. Кусок рыжего лишайника спланировал к ногам Элис яркой бабочкой. Дина приземлилась, сняла шлем и, сбросив ремни, взяла протянутую ей бутылку воды.

Узкая тропа, выходящая среди валунов, заросла горечавкой и тысячелистником.

Подруги шагали молча, стараясь поскорее укрыться в перелеске от палящих лучей. Наконец каменные сады сменил насквозь пронизанный солнцем бор. Сосны лениво покачивали кронами, наверху дробно простучал дятел.

— Дина...

— Я не буду продолжать этот разговор. Я люблю это место, мой дом. К тому же вспомни о миссис Литтл, Бобе и остальных! Если я уйду, сюда вряд ли назначат врача, скорее поставят стариков на учет в клинику Черритауна, а без машины туда не добраться. Я не брошу их. Мое место здесь.

— Ты не можешь вечно приносить себя в жертву, Диндин. Разве ты не хочешь завести семью и своих собственных детей? Я же вижу, как ты любишь Эбби и моих мальчиков. В этой глуши остались одни пенсионеры да мы с нашими коровами, все прочие давно разъехались по городам.

Дина резко остановилась.

— Кто говорит о жертвах? Ты слишком хорошего мнения обо мне, Элис. Да, я люблю детей. И тебя. Наш Рокки Лейк. И я не понимаю, почему те люди, которых я больше всего люблю, стараются выставить меня отсюда!

Дина перевела дыхание и продолжила уже спокойнее:

— Честное слово, Эл, если ты не перестанешь играть роль ворчливой сводницы, я умру старой девой! Потому что когда на меня давят, я делаю все наоборот!

— Даже во вред себе, — чуть слышно буркнула Элис.

— Именно, — не оборачиваясь, крикнула Дина, и ее звонкий смех рассыпался по лесу, смешавшись с яркой золотистой хвоей.

Рокки Лейк, поселок с населением в 311 человек стоял на берегу Пэнд-Орей. Текущая мимо серебряная лента скорее напоминала ручей, стянутая, как поясом, полукруглой плотиной. Поток людей хлынул в эти места полтора века назад, когда золотые шахты еще манили обещанием легкой удачи. Он оставил после себя россыпь деревушек, затерянных между поросших лесом склонов Каскадных гор. Рокки Лейк мало чем мог похвастаться, кроме чистого воздуха и захватывающих пейзажей. Маленькая молочная ферма, летняя гостиница на два номера, кинотеатр да бар “Эдельвейс”. Его небольшой зал с резными панелями на стенах являлся средоточием деревенской жизни.

Клетчатые, чисто вымытые окна пропускали недостаточно света, чтобы разогнать тени в дальних углах бара. Музыкальный автомат тихо побренькивал, приглушенно гудели голоса, шипела кофемашина. По рядам бутылок пробежала полоска света из распахнувшейся двери.

— Марго! Ты сегодня поздно, — проскрипела тень в углу стойки, — Неужели все-таки поймала золотую рыбку, и он позвал тебя на свидание?

В дрожащей вспышке зажигалки блеснули очки-бабочки и сморщенные узловатые пальцы. Вошедшая женщина грузно плюхнулась на стул, отмахнулась от дыма и положила перед собой шелковый клатч с порыжевшей застежкой.

— Вам все шутки, София, — вздохнула она, — может, это мой единственный шанс на счастье! Я так устаю за неделю, кручусь как белка в колесе, хоть в субботу могу позволить себе вырваться?!

Короткие пальцы с длинными накладными ногтями нервно теребили застежку сумочки.

— Это ведь не только клуб знакомств. Там хоть есть с кем поговорить...

Женщина мечтательно прикрыла тяжелые веки, и, наконец справившись с замком, положила на стойку банкноту.

— Как обычно.

— Субботний шеридан Марго, — хмыкнула София, — это ж надо, всю неделю ждать этой приторной дряни... Я бы на твоём месте давно перешла на виски, авось и глядеть стала бы веселее. Мужик какой-никакой прибился бы. На знакомый-то запах, — хохотнула старуха и надсадно закашлялась.

Собеседница скорбно поджала губы. Дверь бара снова хлопнула. Маленькая ликерная рюмка блеснула темным леденцом.

— Ты-то теперь вряд ли подцепишь кого со своим лицом грустной коровы, — София затянулась последний раз и воткнула рассыпающийся окурок в переполненную пепельницу, — так хоть мне присмотри живчика поаппетитнее. Но только чур, до тридцати, дальше уже не тот интерес.

Марго поперхнулась ликером и и вперила возмущенный взгляд в хохочущую Софию. Отсмеявшись, старуха махнула рукой работнице за стойкой.

— Кристина, подай таблетки.

— Сию минуту, миссис Коул, — звонко отозвалась та.

Стакан воды бросил блик на сморщенную шею старой леди. Утерев рот услужливо поданной салфеткой, София оглядела посетителей “Эдельвейса”.

— Поди ж ты, кого принесло, — удивленно хмыкнула она, — никак, Хупера сынок вернулся! Долго ж его бросало по свету...

Старуха поманила пальцем своих собеседниц, и они склонились к ней, в восторженном ожидании новой сплетни. В маленьких городках новости — ходовой товар.

— В последний раз он приезжал хоронить старого Хупера, пять лет назад. Как сейчас помню, шнурков да медалей на нем было — что твоя гребаная елка.

Старуха вздохнула и смахнула со стойки пепельную пыль, раздутую сквозняком.

— С тех пор ни слуху, ни духу. Я уж, грешным делом, думала, погиб наш Тай, нашла его пуля, похоронила среди песка. А какой бойкий малыш был! Как-то забрался с банкой внутрь вишневого куста, пока я вокруг в огороде возилась. Почитай галлон набрал, хотел уже удрать, да зацепился за ограду. Хорошо я тогда его метлой-то приложила, — хихикнула София.

Маргарита, забыв шеридан, рассматривала нового посетителя, устроившегося в дальнем конце зала.

— Сходи возьми заказ, Крис, — подмигнула хозяйка бара.

Кристина оправила фартук и направилась в сторону одинокой фигуры у окна.

Тайлер задумчиво рассматривал старые стекла с пузырьками, в которых улица казалась рассыпанным отражением множества кривых зеркал. Кристине пришлось кашлянуть, чтобы он наконец заметил ее.

— Доброе утро, сэр. Что желаете? Сегодня у нас блинчики с подливкой.

— Только кофе без сахара. Спасибо, — и он снова перевел взгляд в окно.

— Добро пожаловать, мистер Хупер, — прозвенела Кристина, и, подхватив с соседнего столика пустую бутылку, направилась к стойке.

Он удивленно поднял бровь, но разглядев за стойкой огонек сигареты и пышный узел седых волос, улыбнулся углом рта.

— Софи, — кивнул головой Тайлер, присаживаясь рядом с ней, — рад видеть, что ты еще при делах.

— Ха! Оставь этим разгильдяйкам мой бар, от него камня на камне не останется! — сверкнула глазами старуха, — А я б давно со скуки померла целый день в кровати с кислородным баллоном валяться. Это такие, как Марго, — она кивнула в сторону соседки, — мечтают о мирной старости и кружевных занавесках.

Маргарита вспыхнула и протянула руку:

— Приятно познакомиться, мистер Тайлер. Мы слышаны о вас.

Хупер досадливо поморщился и пожал увешанную цветными бусинами кисть.

— Привыкай, — ухмыльнулась София, — ты на передней новостной полосе. Надолго приехал?

— Насовсем.

Кристина поставила на стойку маленькую белую чашку. В темной жидкости полумесяцем отразился светильник. Зная Софию, Тайлер ждал настойчивых расспросов, но их не последовало. Старуха проницательно смотрела на него из под очков.

— Ну что ж, — наконец проговорила она, — все мы однажды возвращаемся туда, откуда пришли.

— Да ты стала философом, бабушка София, — усмехнулся Тай.

— Зато ты как был олухом, так и остался, — процедила старуха, — еще раз назовешь меня бабушкой, и я подсыплю тебе в кофе стрихнин!

Небо затянули облака, и силуэты гор пропали, смешавшись с туманной синевой ночи. Глухо бухнула деревянная дверь, фонарь качнулся, облако мошкеры вокруг него на миг поредело. Элис вышла из хлева, отряхивая руки, и сняв резиновые сапоги, сунула ноги в шлепанцы. После утренней пробежки с Диной по горам у нее тянуло икры.

— Мама, у меня зуб болит! Вот тут!

Из за угла выскочил Дэвид, протягивая ручонки к матери. Элис устало улыбнулась и подхватив сына на руки, заглянула в шоколадную мордашку.

— Снова играли с Эрроу? Я ведь просила обойтись без деревянных мечей!

Мальчик нетерпеливо заерзал.

— Да нет, мам, просто зуб качался, Эрроу сказал, чтобы я не лазал в рот руками, но я никак не мог удержаться. А теперь он болит...

Дэвид крепче прижался к матери. Элис вздохнула и провела рукой по жестким кудрям.

— Ничего, дорогой, завтра попросим Дину посмотреть на твой зуб. А пока что будь взрослым мальчиком, оставь его в покое.

— Мама, а почему ты не ужинала с нами?

— Потому что заканчивала работу, малыш. У Тани сегодня выходной, она уехала в город.

— Опять ищет себе партнера для спарринга?

Элис зарылась в волосы мальчика, пряча улыбку. Интерес их работницы Тани к мужчинам простирался гораздо дальше тайского бокса, но Дэвиду знать об этом было необязательно.

— Ты пахнешь сеном, мам. И молоком.

Элис похлопала сына по крепкой спинке.

Молочная ферма расположилась между холмов, на солнечном берегу реки. Семья Ферретов жила в Рокки Лейк уже пятнадцать лет, но среди местных они все еще считались новоселами. Элис вышла замуж за Джеффа, будучи студенткой. Он работал на бензозаправке около университета, куда она поступила на сельскохозяйственный факультет. Элис, получившая права за два месяца до начала учебы, долго парковалась у колонки. Джефф с ухмылкой наблюдал за стараниями маленького “Субару”, из окна которого торчал кончик розового шарфа. Родители Элис настороженно отнеслись к белому парню, но дочь оказалась упряма. Через полгода ступени маленькой местной церкви покрылись рисом и снежно-белыми лепестками цветов.

В надежде обеспечить семье будущее Джефф подал заявление в военкомат. Он ушел в ноябре, в солнечный день бабьего лета, когда в воздухе серебрились паутинки, а ветер дышал сладостью далеких лугов. Через полгода родился Чак. Джеффу предложили пойти учиться и подписать контракт, жизнь налаживалась. Элис ждала редких увольнений мужа, как праздника.

Она получила диплом и устроилась на молочный завод. Джеффа перебросили в Айдахо, письма стали приходить реже.

Как то раз, забрав маленького Чака из детского сада, Элис возвращалась домой. Улицы припорошил тонкий слой свежего снега. Она шла, глядя под ноги и держа на руках сына, пока обоих не подхватили знакомые сильные руки.

— Джефф?! Что ты здесь делаешь? До Рождества еще почти месяц! — отдышавшись после крепкого поцелуя, воскликнула Элис и, спустив сына с рук, отодвинула мужа, оглядывая его с ног до головы.

— Что это? — в ужасе выдохнула она, показывая на палочку, на которую Джефф опирался левой рукой.

Он поднял ладонь, успокаивая жену.

— Всего лишь неудачный прыжок с высоты. Давно. Сейчас уже все зажило!

— Давно?! Извольте объясниться, Джеффри Энтони Феррет!

— Знал, что ты разволнуешься.

Он помолчал, потом все-таки договорил:

— Сомневался, что смогу ходить... месяц лежал с чертовыми спицами в голени. Но зато теперь, — улыбнулся Джефф, — все позади, и мы наконец исполним мечту. У ранней пенсии есть свои преимущества. Подыскивай нам симпатичную ферму!

Так Элис и Джефф оказалась в Рокки Лейк. Вскоре число его жителей увеличилось еще на две единицы. Младшие мальчики Ферретов, Эрроу и Дэвид, никогда не жили в большом городе, да и Чак мало что помнил об этом, на горных просторах все трое мальчишек были счастливы и не желали ничего другого.

В коридоре было тихо. Собирая с пола разбросанные вещи сыновей, Элис осторожно заглянула в детскую. Дэвид сопел во сне, рука Эрроу свешивалась с верхней кровати. Чак лежал под одеялом с наушниками, лицо освещал голубоватый свет экрана телефона. Он поднял глаза на мать. Элис нахмурила брови, и молча показала на часы. Чак поднял растопыренные пальцы.

— Пять минут, и не больше, — прошептала Элис, и тихо закрыла дверь.

В гостиной горела лампа. Джефф стоял у двери, держа в руках бумажный пакет.

— Ты куда собрался на ночь глядя? — удивилась Элис.

— Помнишь старика Хупера из дома, что на холме? Его сын приехал. Пойду поздороваюсь. Вот, — он поднял пакет, — пирог отнесу.

Элис подняла бровь.

— Ну дорогая, ты испечешь нам еще, а он, поди, и не едал такой-то вкуснятины! — хитро улыбнулся Джефф.

— Ладно, подлиза, — усмехнулась Элис, — забирай, так и быть. Поздно ты собрался, он уже спит, наверное.

Облезлые ступеньки скрипели под ногами. Белесый луч, пробившийся из пелены облаков, выхватил из темноты угол заросшей плющом стены. Лампочка у входа блестела осколками стекла, и только слабый свет в окне гостиной говорил о том, что дом обитаем.

Джефф постучал в дверь.

— Добрый вечер, — раздался негромкий голос у него за спиной.

От неожиданности Джефф дернулся и выронил пирог.

— Черт, — добродушно выругался он, сноровисто поймав пакет у самой земли, — ну и напугал ты меня.

— Тайлер Хупер, — протянул руку хозяин дома, прислонив к косяку двери саперную лопату.

— Джефф Феррет. С приездом. Вот, — он протянул пирог, — жена испекла, угощайся.

— Спасибо, — улыбнулся Тай, — так это вы купили ферму Миллеров? Теперь она выглядит иначе.

— Да, пришлось-таки над ней поработать, — со скромной гордостью заметил Джефф. — Мистер Хупер как-то обмолвился про военную карьеру. Откуда ты?

— Ирак. Семьдесят пятый. Ты?

— 494-тый, Айдахо. Пятнадцать лет как уволился, работал с новобранцами, — усмехнулся Джефф, — Элис боялась, пошлют в горячую точку, но нет, не судьба.

Они помолчали, глядя на далекие деревенские огоньки.

Тайлер поднялся на крыльцо и распахнул дверь:

— Заходи. Правда, пока здесь не слишком уютно, но хоть комары не грызут.

Небольшую, скромно обставленную комнату покрывала пыль. У стены стоял зеленый чемодан со свернутым спальным мешком, над камином поблескивали старые часы. Пол в центре гостиной был испорчен темным пятном.

Тайлер заметил взгляд гостя.

— Крыша течет. Света нет, так что пришлось достать из сарая керосинку.

Он подошел к столу, положил сверток с пирогом и прикрутил фитиль в коптящей лампе.

— Удивляюсь, что она еще оказалась исправной. Пока шарил в сарае, наткнулся на какого-то зверя. Похож на хорька.

Джефф выразительно взглянул на лопату.

— Это его труп ты в лесу закопал?

Тайлер расхохотался.

— Воды тоже нет, так что приходится обходиться полевым комплектом.

— Заходи к нам, — предложил Джефф, — У пристройки стоит туалет для работников, там же душ и питьевая вода. Можешь не предупреждать, пользуйся, пока не наладишь здесь все.

Выглянув в окно, он заторопился: — Дождь начинается, надо успеть домой до того, как хлынет как следует.

Из сада повеяло морозом горных вершин, по широким листьям лопухов застучали капли. Тихо блеснула зарница. Холодная водяная пелена рухнула, как гильотина, отрезав окружающий мир. Тай медленно спустился с крыльца и, закрыв глаза, подставил лицо дождю. Несмотря на ледяные струи, скользящие по коже, он чувствовал на ресницах рыжую пыль пустынной бури. Сколько еще таких же, разбросанных по огромной стране, стоят под ночным небом и пытаются жить настоящим? Прошное держит в колючей хватке, где любое движение вызывает мучительную боль и воспоминания, воспоминания...

— Курсант Хупер, я был о вас лучшего мнения!

Сержант перевел возмущенный взгляд на других двух солдат, вытянувшихся перед ним.

— О вас я молчу, мне непонятно, зачем вы вообще подавали заявление в военкомат! И за какие грехи вас поручили именно мне!

Он перевел дух. Порыв горячего ветра качнул пыльные жалюзи на окне. От жестяной крыши шел жар.

— Чертово пекло...

Сержант стащил с головы кепку и, обтерев лицо, в сердцах швырнул ее на стол.

— Томсон! — рявкнул он.

Сидящий в углу за столом худенький солдатик подскочил, как ужаленный.

— Почему до сих пор не починили гребаный кондиционер?! Ступай и разберись!

— Есть, сэр!

Томсон выскочил за дверь, споткнувшись о порог.

Трое солдат стояли посреди тесного кабинета, неподвижно уставившись в стену. Сержант поиграл желваками и, плюхнувшись на стул, положил сцепленные руки на ворох бумаг.

— Не будь вас в пятерке лучших, точно сели бы в тюрьму на полный срок, четко по протоколу. Но мы не для того рвали задницы, чтобы теперь вы еще месяц прохлаждались в камерах с личным телеком и кондиционером, мать его!

Курсанты молчали.

Он встал и прошелся мимо них.

— Вы же без пяти минут сержанты, черт вас дери... А не группа детского сада для умственно отсталых. Скажите, что поняли меня.

— Так точно, сэр!

Дверь открылась, на пороге вытянулся Томсон.

— Разрешите, сержант Арм?

Командир закатил глаза.

— Сколько раз повторять, это твое рабочее место, Томсон, и если ты каждый раз, выходя поссать, будешь спрашивать у меня разрешения по всей форме, я в конце концов отправлю тебя назад к мамке! Разрешаю, — рявкнул он.

— Рабочие придут завтра в шесть, сержант!

— Какие еще рабочие?

— Кондиционер, сэр...

Сержант хлопнул себя по лбу.

— Господи, с вами и имя свое забудешь!

Он повернулся к молчаливой троице.

— Даю вам четыре часа на то, чтобы перестать источать запах девок и выпивки. Затем вы пройдете через лично мной организованный ад. Вычет двух третей месячного содержания. Неделя сверхурочных работ. И если до конца курса я услышу хоть намек...

Арм многозначительно хрустнул пальцами.

— Ясно?!

— Ясно, сэр, так точно, сэр! — гаркнула троица.

— Вон.

Курсанты развернулись и вышли, печатая шаг. Сержант подошел к маленькому холодильнику и, достав из него запотевшую бутылку содовой, с наслаждением сделал глоток.

Оказавшись за купой деревьев, вне зоны видимости сержанта, Ник подпрыгнул и в безудержном веселье обрушился на спину Тайлера.

— Вот это везуха! Вы видели глаза Арма?! Он жуть как хотел упрятать нас за решетку!

— У него были на то причины, — хмуро отозвался Ридли, — на его месте я точно не церемонился бы.

Тайлер сбросил наездника и обернулся:

— В тебе говорит похмелье. Перестань ворчать. Нас не было всего шесть часов, и ты провел это время с толком!

— В отличие от тебя, неудачник, — хмыкнул Ридли и впервые за утро широко улыбнулся.

Горячие струи прозрачными лезвиями соскребали с тела пот и пыль. Тайлер почувствовал легкое сожаление. Отголоски запаха женских духов стремительно утекали в круглую дырку слива. На клетчатый пол душевой упал зеленый листок. Хупер усмехнулся. Аккуратная стена подстриженных кустов в городском парке сегодня сможет похвастаться большой неровной дырой, похожей на пробоину в борту корабля.

Вместе с грязью душ смысл последние остатки сил. Тайлер прошел по полутемному коридору, открыл дверь и рухнул лицом в подушку.

Трое друзей в числе других солдат прибыли в Форт-Блисс в июне. Тайлер и Ридли по полтора года отслужили в пехоте, один в Ираке, другой в Японии. Хупера на сержантский курс направило командование. Он не обладал выдающимися талантами, но всегда оставался собранным и не пытался спихнуть работу на других. Ридли смертельно устал от величественных красот Страны восходящего солнца, где, по его словам, не было ни одной мало-мальски привлекательной девушки в радиусе двухсот миль вокруг, включая русалок на дне моря, и подал заявку наудачу.

Ника они встретили на первой общей тренировке. Крюконосый смуглый парень по кличке Гор привлекал всеобщее внимание своим яростным оптимизмом. Даже в конце тяжелого марш-броска, неся на себе вес в тридцать килограммов, когда другие не находили времени сделать лишний вдох, Ник умудрялся забористо и весело ругаться и шутить, подбадривая отстающих и вызывая на потных лицах улыбки.

Он обожал истории о древних цивилизациях и каждый вечер сыпал байками мнимых путешественников по Южной Америке, Египту и Атлантиде, почерпнутых из желтых журналов.